

Эволюція укрѣпленнѣхъ позицій въ міровой войнѣ и нѣкоторые выводы для будущаго.

(Историческая часть доклада, прочитаннаго на сербскомъ языкѣ въ засѣданіи О-ва Ревнителѣй Военныхъ Знаній въ г. Бѣлградѣ въ 1922 г.).

О значеніи техники въ міровой войнѣ много говорить не приходится. Не только вся война „вооруженныхъ народовъ“, благодаря техническому прогрессу послѣднихъ лѣтъ, получила тотъ характеръ и тотъ масштабъ, которыхъ не предвидѣли самые дальновидные мыслители, но и всѣ видоизмѣненія въ приѣмахъ тактической борьбы, непрерывно слѣдовавшія во время самой войны, являлись результатомъ новыхъ техническихъ изобрѣтеній, тотчасъ же вводимыхъ въ дѣйствіе. Фортификація, какъ отрасль военной техники и средство стратегии и тактики, играла весьма важную роль въ великой борьбѣ и подвергалась тоже эволюціи. Видоизмѣнялись не только формы и детали фортификаціонныхъ сооружений, но и приемы примѣненія этихъ формъ на мѣстности, съ цѣлью созданія новыхъ, болѣе выгодныхъ условій для противодѣйствія новымъ тактическимъ и техническимъ приѣмамъ нападенія.

Но если передъ великой войной и раздавались еще голоса о томъ, что фортификація есть лишь средство обороны, то послѣ опыта міровой войны эти голоса должны окончательно замолкнуть, такъ какъ стало ясно, что во многихъ случаяхъ боевой обстановки атакующій не можетъ произвести задуманную операцію, не использовавъ фортификацію въ объемѣ иногда даже большемъ, чѣмъ его обороняющійся противникъ. Такъ, на примѣръ, при подготовкѣ прорыва австрійской укрѣпленной позиціи на р. Стрыпѣ весной 1916 года, VII русская армія произвела на фронтѣ атаки большее количество работъ, чѣмъ ихъ было на томъ же участкѣ укрѣпленной позиціи.

Примѣненіе фортификаціи, какъ средства нападенія, поставило военнымъ инженерамъ во время войны новыя задачи. Нельзя было ограничиваться существовавшей теоріей „самоокапыванія при наступленіи“, такъ какъ этого „самоокапыванія“ было далеко недостаточно. Необходима была разработка теоріи „наступательной фортификаціи“, опираясь на предыдущій опытъ великой войны.

Итакъ, во время самой великой войны теоріи фортификаціи все время ставились новыя задачи и обороной, и наступленіемъ.

Рѣшая эти задачи, фортификація создавала новыя оборо-

нительныхъ и наступательныхъ укрѣпленныхъ позицій, понимая подъ этимъ опредѣленіемъ подготовленную въ инженерномъ отношеніи мѣстность на полѣ сраженія. Настоящій очеркъ и преслѣдуетъ цѣль дать краткое описаніе эволюціи этихъ укрѣпленныхъ позицій во время великой войны и сдѣлать, на основаніи ея опыта, нѣкоторые выводы для будущаго.

ЗНАЧЕНІЕ ТЕХНИЧЕСКИХЪ СРЕДСТВЪ БОРЬБЫ.

На эволюцію укрѣпленныхъ позицій въ великой войнѣ вліяли усовершенствованныя и новоизобрѣтенныя техническія средства борьбы.

Ихъ слѣдуетъ подраздѣлить на главныя и вспомогательныя. Въ то время какъ вспомогательныя средства вліяли лишь на детали въ устройствѣ фортификаціонныхъ сооруженій, главныя средства не только вызвали необходимость созданія новыхъ формъ и видоизмѣненія деталей, но и требовали новыхъ комбинацій формъ, въ смыслѣ ихъ взаимнаго сочетанія и расположенія на мѣстности.

Фортификаціонныя сооруженія, преслѣдуя задачи — дать защиту своимъ войскамъ отъ наблюденія и огня противника, обезпечивая имъ и то и другое для дѣйствія по непріятелю, возводились въ минувшую войну тамъ, гдѣ новыя средства борьбы и вызванные ими боевыя приемы требовали расположенія войскъ (занятіе интерваловъ между группами, эшелонированіе въ глубину, массовыя группировки и т. п.). Вотъ это примѣненіе фортификаціи къ войскамъ и къ мѣстности (въ широкомъ смыслѣ слова) и вызывалось главными техническими средствами борьбы, вліявшими на тактику войскъ, съ одной стороны, и на фортификаціонныя формы съ другой.

Изъ средствъ борьбы главнѣйшее значеніе имѣли: 1) непрерывно прогрессирующая сила огня и 2) новѣйшія средства наблюденія.

Поэтому къ главнымъ средствамъ прежде всего слѣдуетъ отнести скорострѣльную, дальнобойную и многочисленную тяжелую артиллерию.

Сила огня тяжелой артиллеріи непрерывно возрастала. Массовый артиллерійскій огонь способенъ былъ уничтожать цѣлыя пространства, сравнивая съ землей мѣстные предметы, и разрушать самыя солидныя закрытія. Напомнимъ нѣкоторые данныя о тяжелой нѣмецкой артиллеріи. Такъ, напримѣръ, снарядъ орудія „Dunqu-gue“ калибра 380 м./м. съ зарядомъ „тонита“ въ 68 клгр., проникалъ въ землю на 7 метровъ. Дальность орудія — 38 клм. Снарядъ орудія калибра 420 м./м., съ 106 клгр. „тонита“ и дальностью 16 клм., проникалъ въ землю на 8 и даже болѣе метровъ. Известно, наконецъ, по своей громадной дальности нѣмецкое орудіе калибра 220 м./м., которое изъ лѣса „St. Gubin“ бомбардировало Парижъ съ разстоянія 115 клм. Это даетъ намъ указаніе на тѣ дальности, какковыя мы можемъ ожидать въ будущихъ войнахъ.

Кромѣ дѣйствія матеріальнаго, тяжелая артиллерія сильно дѣйствуетъ и на психику. Это моральное дѣйствіе увеличивается съ увеличеніемъ калибра, разрывного заряда и зависитъ отъ интенсив-

ности стрѣльбы въ определенное время и по определенной цѣли. Оно способно до такой степени вызывать у людей нервное напряженіе и парализовать ихъ волю и силу сопротивленія, что иногда только однимъ моральнымъ воздѣйствіемъ тяжелой артиллеріи достигалось рѣшеніе боя.

Другимъ главнымъ средствомъ борьбы являлись пулеметы („машинный огонь“). Они показали себя какъ наилучшее оружіе ближняго боя. Не говоря о томъ, что движеніе по открытой мѣстности, даже короткими пространствами, было невозможно въ сферѣ интенсивнаго пулеметнаго огня, но и отдѣльные пулеметы, застучавшіе гдѣ нибудь въ тылу прорвавшихся побѣдоносныхъ войскъ, вызывали иногда переломъ боя и сводили на нѣтъ достигнутый тяжелыми жертвами успѣхъ. Причина — сильное моральное дѣйствіе машиннаго огня.

Могущество огня обороны, въ связи съ сильнымъ развитіемъ искусственныхъ препятствій изъ колючей проволоки, съ трудомъ подверженной полному разрушенію артиллерійскимъ огнемъ, побудили атакующаго не только прибѣгать въ широкомъ объемѣ къ окопнымъ работамъ, но и изыскать новыя вспомогательныя средства для возможности продвиженія въ сферѣ огня, пораженія противника и нейтрализаціи огня его батарей. Въ результатъ этихъ стремленій на сцену явились: 1) подвижная броневая фортификація, 2) траншейная подвижная артиллерія (минометы, бомбометы, малокалиберныя орудія), ручныя, аэропланныя бомбы и стрѣлы, огнеметатели и 3) удушливые газы.

Къ уже имѣвшимся передъ войной, но усовершенствованнымъ средствамъ подвижной броневой фортификаціи, а именно, блиндированнымъ поѣздамъ и автомобилямъ, прибавилось новое средство — танки. Послѣдніе получили особо широкое примѣненіе, какъ не связанные въ своихъ передвиженіяхъ дорогами. Всѣ эти средства сочетали въ себѣ закрытіе для людей съ огневымъ машиннымъ дѣйствіемъ, являясь дальнѣйшимъ развитіемъ неподвижной броневой фортификаціи. Это уже, несомнѣнно, „нападательная“ фортификація, хотя, конечно, она тотчасъ же была использована и обороной.

О средствахъ, указанныхъ въ пунктѣ второмъ, мы умолчимъ, такъ какъ они отразились лишь на деталяхъ въ фортификаціонныхъ сооруженіяхъ. Что же касается удушливыхъ газовъ, то, будучи примѣняемы не только въ видѣ газовыхъ облаковъ (воли), выпускаемыхъ изъ особыхъ баллоновъ по вѣтру, но и какъ начинка для орудійныхъ снарядовъ, они къ концу войны оказались наилучшимъ средствомъ для нейтрализаціи непріятельскаго артиллерійскаго огня.

Появленіе новыхъ средствъ атаки вызвало соотвѣтствующее противодѣйствіе и со стороны обороны: подвижная броневая фортификація получила въ отвѣтъ особыя бронебойныя пули и противотанковыя орудія. Появились особыя фугасныя и минныя загражденія и другого рода препятствія. Мы видимъ появленіе стальныхъ касокъ, щитовъ, противогазовъ и т. д.

Но только что перечисленные въ трехъ пунктахъ новыя техническія средства, не смотря на свое могущество, оказали на эволюцію укрѣпленныхъ позицій лишь второстепенное вліяніе, во всякомъ случаѣ значительно меньше, чѣмъ артиллерійскій и пулеметный огонь. О значеніи ихъ въ будущемъ мы скажемъ нѣсколько словъ въ заключеніи, а теперь дадимъ еще краткую характеристику новѣйшимъ средствамъ развѣдки и наблюденія.

Важнѣйшее значеніе въ этомъ смыслѣ приобрѣла авіація, которая къ концу великой войны достигла такого прогресса, что завоевала себѣ права самостоятельнаго рода войскъ, игравшаго видную роль и въ подготовкѣ къ сраженію, и въ бою, и въ окончательномъ рѣшеніи боя. Уже во время великой войны авіація способна была производить стратегическія и тактическія развѣдки, наблюденіе, корректированіе стрѣльбы, поддержку связи, производить бомбардированіе и участвовать въ наземныхъ и воздушныхъ бояхъ. Въ данномъ очеркѣ насъ интересуетъ вопросъ о вліяніи авіаціи на фортификацію.

Авиаторъ-развѣдчикъ, обладающій сильными нервами и хорошимъ аппаратомъ, могъ простымъ глазомъ съ небольшой высоты произвести развѣдку укрѣпленной позиціи. Но эти случаи были рѣдки и производились лишь при развѣдкѣ глубокихъ тыловыхъ позицій, не занятыхъ войсками и не имѣвшихъ воздушной обороны. Нормально развѣдки производились съ высоты 1500—2000 метровъ, причемъ фотографическій аппаратъ замѣнялъ человѣческой глазъ. Искусство воздушнаго фотографированія и „расшифровки“ фотографій достигло въ минувшей войнѣ такого совершенства, что являлась возможность почти всегда имѣть точную картину непріятельской укрѣпленной позиціи. Фортификація должна была прибѣгнуть къ самымъ разнообразнымъ приемамъ маскировки, съ цѣлью скрыть хотя бы важнѣйшія сооруженія отъ фотографическаго аппарата, фиксирующаго малѣйшіе оттѣнки игры свѣто-тѣней, по которымъ опытный глазъ расшифровщика тотчасъ угадывалъ въ чемъ тутъ дѣло. И въ кратчайшее время, вмѣсто туманныхъ и блѣсоватыхъ полосъ фотографическаго снимка, появлялась точно вычерченная укрѣпленная позиція непріятели.

Кромѣ маскировки, пришлось прибѣгнуть къ сооруженію ложныхъ построекъ, а иногда и цѣлыхъ ложныхъ позицій. Это средство было наиболѣе дѣйствительнымъ, такъ какъ въ лабиринтѣ дѣйствительныхъ и ложныхъ сооружений трудно было разобраться, не говоря уже о томъ, что ложныя постройки навлекали на себя огонь и облегчали тѣмъ положеніе защитниковъ боевыхъ позицій.

Но этимъ вліяніе авіаціи на фортификацію не ограничивалось. Способная бомбардировать глубокой тылъ, авіація потребовала возведенія закрытій и маскированія сооружений въ такой глубинѣ театра военныхъ дѣйствій, гдѣ ранѣе въ этомъ не было никакой потребности.

Вмѣстѣ съ тѣмъ авіація являлась и могущественной помощницей фортификаціи, облегчая работу „нападающаго“ фортификатора

сообщеніемъ ему важныхъ свѣдѣній о непріятельской позиціи, а господствуя въ воздухѣ и давая свѣдѣнія о недостаткахъ нашей позиціи, способствовала маскировочнымъ и ложнымъ работамъ своихъ войскъ.

Заканчивая краткую характеристику важнѣйшихъ техническихъ средствъ борьбы, упомянемъ кратко и о томъ, что усовершенствованіе средствъ сообщеній и транспорта (желѣзныя дороги узкой колеи, грузовые автомобили) давало возможность быстро перевозить самыя громоздкіе матеріалы (бетонъ, броня и т. п.), чѣмъ оказало существенное вліяніе на конструкціи оборонительныхъ построекъ. Даже при подготовкѣ наступательныхъ операцій появились сооружения, напримѣръ, батареи для тяжелыхъ орудій, бывшія ранѣе въ употребленіи лишь въ крѣпостяхъ.

Итакъ, прогрессъ перечисленныхъ средствъ борьбы вызывалъ появленіе новыхъ техническихъ формъ и средствъ противодѣйствія. Можно сказать, что въ минувшей войнѣ техническая изобрѣтательность вылилась въ особую форму „технической войны“, о которой можно было бы написать цѣлую книгу подъ заголовкомъ — „Война ученыхъ“. Въ то время, когда на поляхъ сраженій лилась кровь, ученые-техники, сидя въ своихъ кабинетахъ и лабораторіяхъ, не видя и не зная своихъ враговъ и учитывая лишь плоды ихъ умственной, ученой работы, наярывали свой умъ и пускали въ ходъ всю современную науку, чтобы побѣдить своихъ противниковъ на полѣ „ученой“ брани. Слоны Ганнибала не отжили свой вѣкъ и въ будущемъ, кто знаетъ, какія неожиданности дасть намъ эта „ученая“ война въ стремленіи къ „принципу внезапности“.

Фортификація приняла дѣятельное участіе и въ міровой, и въ „ученой“ войнѣ. Этапы этой войны, съ ея побѣдами и поражениями, слѣдуютъ въ дальнѣйшихъ строкахъ этого очерка.

УКРѢПЛЕННАЯ ПОЗИЦІЯ НАЧАЛА МІРОВОЙ ВОЙНЫ.

(Схема № 1)

Въ отношеніи всякой технической отрасли знанія слѣдуетъ различать теорію и практику, въ смыслъ проведенія этой теоріи въ жизнь. Въ вопросѣ самой теоріи тоже надо отличать теорію официальную, получающую свое выраженіе въ „наставленіяхъ“ и „уставахъ“, отъ теоріи неофициальной, выражающейся въ текущей литературѣ. Къ сожалѣнію, очень часто официальная теорія отстаетъ отъ неофициальной, а еще чаще отстаетъ практика отъ теоріи. Все сказанное мы можемъ легко усмотрѣть въ фортификаціи къ началу войны въ 1914 году.

Что касается официальной теоретической фортификаціи, то въ этомъ отношеніи всѣ воюющія государства къ 1914 году имѣли почти одинаковыя техническія руководства („Наставленія“), выражавшія, такъ сказать, официально признанную фортификаціонную доктрину. Эта доктрина явилась результатомъ изученія опыта Русско-Японской войны. Однако, эта доктрина недостаточно учла опытъ позиціонной борьбы въ Манчжуріи, а потому въ нѣкоторыхъ своихъ

положеніяхъ отставала отъ неофициальныхъ теоретическихъ изслѣдованій, появившихся послѣ 1905 года въ литературѣ. Особенно богатая литература появилась на русскомъ языкѣ. Труды русскихъ инженеровъ, несомнѣнно, заслуживали большаго вниманія со стороны лицъ власть имущихъ, чѣмъ это имъ было оказано и, главнымъ образомъ, именно въ Россіи. Въ этихъ трудахъ было уже многое изъ того, что пришлось затѣмъ ввести въ официальную доктрину послѣ кровавыхъ опытовъ начала великой войны (отдѣлъ позиціонной борьбы даже совсѣмъ отсутствовалъ).

Что именно русскіе инженеры вносили наибольшій вкладъ въ разработку теоретической фортификаціи, тому имѣется нѣсколько причинъ: 1) они знали, что вести наступательныя операціи одновременно на всѣхъ фронтахъ мы не можемъ, а потому надо было тщательно обдумывать вопросы и обороны; 2) они воспитывались и обучались на блестящихъ страницахъ нашей исторіи, гдѣ видную роль играла фортификація и оборона (оборона Пскова, Троицко-Сергіевской Лавры, Полтавскій бой, Бородинское сраженіе, оборона Севастополя и Портъ-Артура); 3) многіе изъ нихъ, наконецъ, были участниками Русско-Японской войны и получили непосредственную боевую практику.

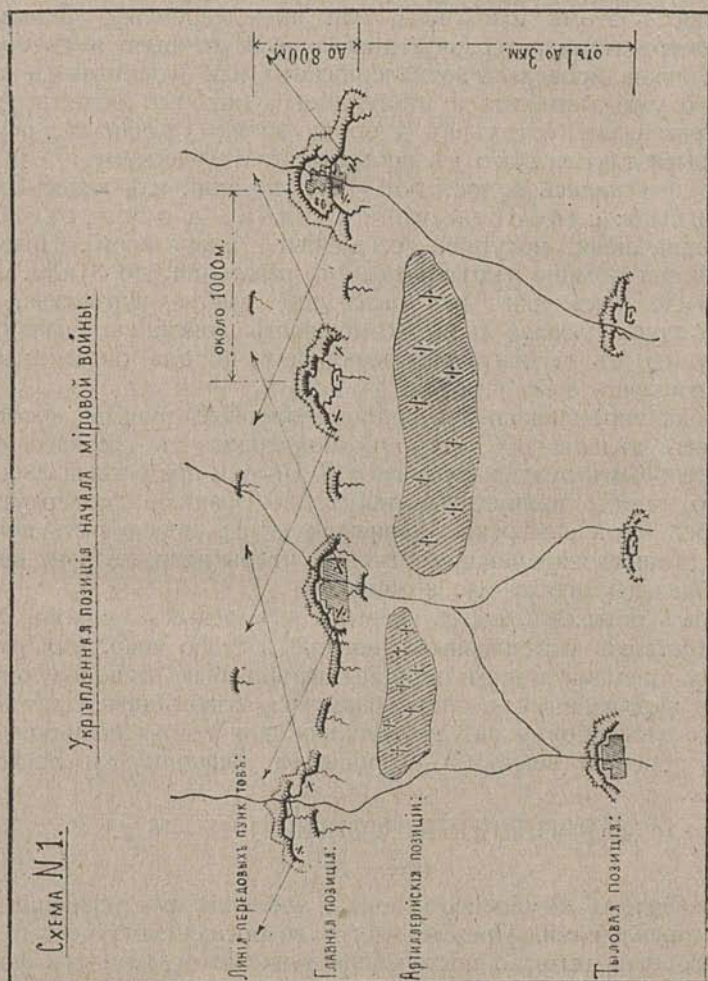
Если въ отношеніи официальной теоріи фортификаціи дѣло у всѣхъ обстояло не вполне благополучно, то въ вопросѣ практическаго примѣненія ея въ войскахъ было еще хуже. Лучше всего были подготовлены нѣмцы, какъ, впрочемъ, и во всѣхъ другихъ отрасляхъ военной техники. Наши и французскія войска поражались тому, съ какой быстротой и искусствомъ окапывались нѣмцы, съ цѣлью закрѣпленія захваченныхъ рубежей и отбитія контръ-атакъ. Особенно слабо были подготовлены французы, что явилось результатомъ исповѣдуемой ими доктрины — „наступленія всегда и вездѣ“ (наступленіе какъ самоцѣль, а не средство).

Наши и австрійскія войска занимали среднее мѣсто, съ той лишь разницей, что австрійцы любили окапываться, наши же войска всячески избѣгали каждаго лишняго удара лопатой. Однако, въ тѣхъ случаяхъ, когда во главѣ стояли талантливые техническіе руководители, они создавали, подчасъ, незаурядныя укрѣпленныя позиціи даже въ началѣ войны, о чемъ можно найти указанія въ запискахъ генерала Людендорфа.

Разсмотримъ теперь, въ чемъ же состояла официальная доктрина по укрѣпленію позицій, въ большей или меньшей степени проводившаяся въ жизнь въ началѣ войны всѣми воюющими сторонами.

Укрѣпленная позиція имѣла видъ одной линіи стрѣлковыхъ окоповъ съ перерывами, малымъ числомъ ходовъ сообщеній въ тылъ и со слабыми блиндажными закрытіями (отъ шрапнельныхъ пуль) въ самихъ окопахъ. На тактическихъ точкахъ мѣстности, на взаимномъ разстояніи до 1 км. устраивались опорные пункты въ видѣ группы окоповъ или приспособленныхъ къ оборонѣ мѣстныхъ предметовъ. Опорные пункты снабжались болѣе со-

лидными блиндажами и усиливались искусственными препятствіями. Передъ интервалами между опорными пунктами препятствія не вводились, чтобы не препятствовать „маневру“.

Опорные пункты считались главной основой и скелетомъ позиціи, почему и укрѣплялись солиднѣе. Предполагалось, что атакующій не сможетъ прорваться между опорными пунктами въ интервалы даже тамъ, гдѣ нѣтъ стрѣлковыхъ окоповъ, такъ какъ подвергнется фланговому и перекрестному огню съ опорныхъ пунктовъ. Атакуя же опорные пункты, встрѣтитъ упорное сопротивленіе въ видѣ огня, препятствій и контръ-атакъ резерва опорнаго пункта.

Но все это не оправдалось въ самомъ началѣ войны. Артиллерія атакующаго была уже настолько сильна, что быстро разрушала

и приводила къ молчанію два-три сосѣднихъ опорныхъ пункта, а затѣмъ пѣхота его устремлялась въ слабо обороняемые интервалы, охватывала съ фланговъ сосѣдніе участки позиціи и, быстро продвигаясь впередъ, угрожала путямъ отступленія и артиллеріи обороны. Последняя поэтому или гибла, или преждевременно уходила въ тылъ. Контръ-атаки резервовъ, двигавшихся открыто и съ большой глубины, ликвидировались артиллерійскимъ или пулеметнымъ огнемъ, успѣвавшего уже закрѣпиться атакующаго, который вслѣдъ за тѣмъ быстро развивалъ успѣхъ въ сторону обоихъ фланговъ, переходя отъ прорыва тактическаго къ прорыву стратегическому.

Ясно выяснились недостатки этихъ позицій, изъ которыхъ важнѣйшими были: слабость интерваловъ и отсутствіе глубины (одна линія, могущая всегда быть прорванной). Правда, въ тылу главной позиціи укрѣплялась въ разстояніи до 3 км. позиція тыловая. Но такъ какъ она была еще слабѣе укрѣплена, то въ лучшемъ случаѣ давала лишь возможность войскамъ главной позиціи отступить въ относительномъ порядкѣ, но для оказанія упорнаго сопротивленія была негодна.

Иногда укрѣплялись и передовые опорные пункты, которые не выносились дальше 800 метровъ (поддержка съ главнаго фронта дѣйствительнымъ ружейнымъ огнемъ). Но они предназначались лишь для того, чтобы принудить атакующаго раньше развернуться и обнаружить свои намѣренія. Гарнизоны этихъ передовыхъ пунктовъ должны были своевременно отступать, чтобы непріятель не ворвался на ихъ плечахъ на главную позицію.

Такимъ образомъ, послѣ первыхъ же боевыхъ уроковъ выяснились недостатки укрѣпленныхъ позицій и стало ясно, что равновѣсіе между пріемами атаки и обороны нарушено не въ пользу обороны.

Если укрѣпленныя позиціи оказались слабы даже для полевой войны, то тѣмъ болѣе онѣ не годились для войны позиціонной, къ которой перешли воюющія стороны на Западномъ и Восточномъ фронтѣ.

УКРѢПЛЕННЫЯ ПОЗИЦІИ 1915—16 г.г.

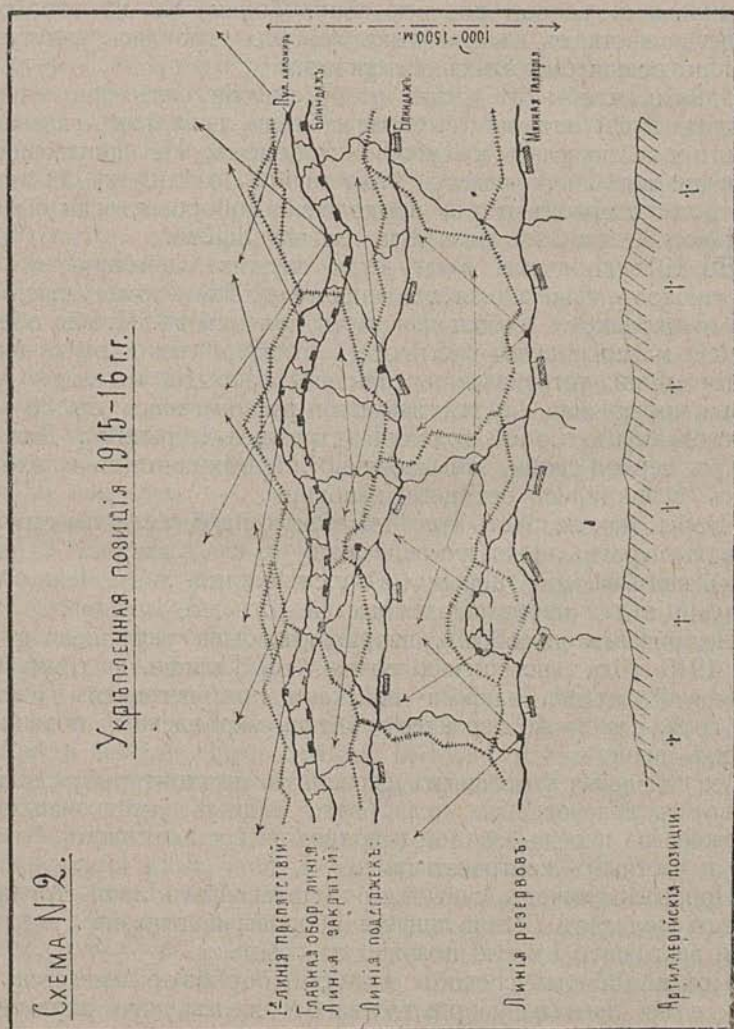
(Схема № 2).

Съ началомъ позиціонной войны эволюція фортификаціи пошла двумя направленіями. Прежде всего, возросшее могущество артиллерійскаго огня вызвало постепенное усиленіе отдѣльныхъ фортификаціонныхъ построекъ въ смыслъ прочности конструкціи, а именно: легкіе типы полевой фортификаціи стали замѣняться солидными типами полудолговременной фортификаціи. Появились бетонные и желѣзобетонные капониры для пулеметовъ, бетонные и броневые наблюдательные пункты, прочные блиндажи, глубокія минныя галлерей и т. п. При этомъ всѣ постройки тщательнѣе маскировались, принимая уже во вниманіе наблюденіе съ аэроплановъ. Тѣ же причины вызвали необходимость разбрасывать на большой площади по фронту и въ глубину главныя оборонительныя постройки (закрѣпленія для пулеметовъ, блокгаузы и т. п.). Главное же, всѣ эти

важныя сооружеія старались скрыть въ лабиринтѣ многочисленныхъ боевыхъ и ложныхъ траншей.

Затѣмъ, слабость одной линіи окоповъ и отсутствіе глубины, въ связи съ необезпеченностью отъ прорыва интерваловъ, привело къ

созданію сплошной оборонительной зоны, состоящей изъ нѣсколькихъ но не менѣе трехъ, линій стрѣлковыхъ окоповъ, связанныхъ между собой многочисленными ходами сообщенія. При этомъ каждая линія имѣла самостоятельное препятствіе изъ колючей проволоки. Фланкирующій машинный огонь пріобрѣталъ все большее значеніе. Всѣ линіи искусственныхъ препятствій

стали изламываться зигзагами такъ, чтобы обязательно обстрѣливались продольнымъ огнемъ.

Разочаровавшись въ сопротивляемости опорныхъ пунктовъ, впади въ другую крайность, перейдя къ линейнымъ позиціямъ одинаковаго сопротивленія по всему фронту и занимали войсками равномерно всю зону. Только въ нѣкоторыхъ важнѣйшихъ участкахъ въ тыловыхъ линіяхъ строились редуты, игравшіе роль редюитовъ этихъ участковъ.

Однако, чтобы избѣжать разбрасыванія силъ при занятіи нѣсколькихъ линій окоповъ, выбиралась одна линія, какъ главная, которая и предназначалась къ упорной оборонѣ. Не допускалось оставленія ни малѣйшаго участка этой линіи. Позадилежащія линіи служили для резервовъ и для продолженія обороны, если бы атакующему все же удалось овладѣть главной линіей.

До 1916 года для этой дѣли служила, обыкновенно, первая линія окоповъ, ближайшая къ непріятелю. Тамъ помѣщалась главная масса защитниковъ и большая часть пулеметовъ. Чтобы обезпечить людей и матеріальную часть отъ артиллерійскаго огня непріятеля въ этой линіи устраивались солидныя закрытія въ видѣ галлерей („лисьи норы“) или же эти закрытія располагались въ 30—50 метрахъ позади въ особой траншеѣ („траншея закрытій“). Для пулеметовъ въ первой линіи, обыкновенно въ исходящихъ и входящихъ углахъ, возводились бетонные капониры.

Чтобы локализовать успѣхъ атакующаго, если бы ему удалось прорвать первую линію, устраивались, т. наз., „отсѣки“ (косыя преграды), связывающіе первую и послѣдующія линіи между собой и образующіе для прорвавшихся частей „огневые мѣшки“.

Подобнымъ способомъ, напримѣръ, была укрѣплена въ теченіе зимы 1915 года австрійская позиція въ Галиціи, на рѣкѣ Стрыпѣ, прорванная затѣмъ нашими войсками при весеннемъ наступленіи 1916 года. Такой же характеръ имѣли укрѣпленныя позиціи на Западномъ фронтѣ.

Укрѣпленныя указаннымъ способомъ позиціи принуждали атакующаго послѣдовательно овладѣвать рядомъ укрѣпленныхъ линій, задерживаясь передъ каждой и подвергаясь съ отсѣковъ фланговому огню и частнымъ контръ-атакамъ.

Прорывъ можетъ считаться выполненнымъ лишь тогда, когда удастся завладѣть всѣми линіями обороны и, отразивъ всѣ контръ-атаки, закрѣпить взятую позицію за собой.

При подобномъ способѣ дѣйствій борьба развивается за отдѣльныя линіи укрѣпленной зоны, что характеризуетъ позиціонную войну 1915—16 года.

Указаннымъ приѣмомъ укрѣпленія позицій началось эшелонированіе оборонительныхъ построекъ въ глубину, причемъ эшелонированіе это преслѣдовалось, главнымъ образомъ, цѣль дать закрытіе близко расположеннымъ резервамъ, могущимъ поддержать защитниковъ первой линіи.

Но скоро выяснилось, что при густомъ занятіи войсками первой

линіи окоповъ, артиллерія атаки наноситъ защитникамъ позиціи громаднаыя потери. Солидные блиндажи разрушались, а минныя галле-рей, хотя и выдерживали огонь тяжелыхъ орудій, но взрывы сна-рядовъ засыпали и обрушали выходы изъ галлерей, а потому обо-роняющійся или погибалъ въ галлерейхъ, или попадалъ большими массами въ плѣнъ. Такимъ образомъ, атака все же имѣла пе-ревѣсъ надъ обороной, хотя требовала значительно боль-шихъ жертвъ и большаго расхода артиллерійскихъ снарядовъ.

Указанные факты привели къ выводу, что необходимо было отказаться отъ первой линіи, какъ главной линіи обо-роны, и не дорожить удержаніемъ каждаго ея участка во что бы то ни стало. Центръ тяжести обороны рѣшено было перенести на вторую или, даже, третью линію зоны, которая можно было располагать на обратныхъ скатахъ высотъ такъ, чтобы не-пріятельская артиллерія не могла къ нимъ мѣтко пристрѣляться. Солидные и глубокія закрытія также переносятся въ глубину позиціи.

Первая линія обороны получаетъ характеръ линіи охраненія и занимается небольшимъ числомъ войскъ ($\frac{1}{3}$ часть войскъ). Защита ея основывается на препятствіяхъ, обороняемыхъ продольнымъ ма-шиннымъ огнемъ, и на частныхъ контръ-атакахъ. Большая часть пуле-метовъ тоже переносится назадъ на главную линію обороны. Фрон-тальный обстрѣлъ съ главной линіи обороны считается достаточнымъ въ 100—150 метровъ.

Съ переносомъ линіи сопротивленія въ глубину оказалось, что равновѣсіе между атакой и обороной снова возста-новилось. Цѣлый рядъ наступательныхъ операцій приводитъ лишь къ незначительнымъ тактическимъ успѣхамъ, а по большей части обороняющійся быстро восстанавливаетъ свое положеніе, при-чемъ атакующій несетъ тяжелыя потери.

Неуспѣхи объясняются тѣмъ, что оборона, отказавшись отъ удержанія во что бы ни стало первой линіи окоповъ, держитъ свои войска укрыто позади. Какъ только пѣхота атакующаго завладѣ-ваетъ участками первой линіи окоповъ, артиллерія обороны откры-ваетъ „заградительный огонь“, стрѣляя по исходнымъ окопамъ ата-кующаго и препятствуя этимъ подходу его резервовъ. Отрѣзанныя огнемъ передовыя цѣли попадаютъ въ огневые мѣшки и уничто-жаются контръ-атаками. Препятствовать заградительному огню очень трудно, такъ какъ артиллерія обороняющагося отодвигается больше въ глубину, очень тщательно маскируется, не обнаруживая себя своимъ огнемъ до момента штурма, а кромѣ того обезпечивается собственными препятствіями, что даетъ ей возможность оставаться на позиціи до послѣдняго момента.

Какъ примѣръ, можно привести операціи нашей VII арміи, хо-рошо извѣстныя автору этого очерка.

Послѣ успѣшнаго прорыва въ маѣ 1916 года сильно укрѣплен-ной позиціи на р. Стрыпѣ, когда непріятель оборонялъ первую ли-нію окоповъ и потерялъ массу защитниковъ плѣнными, дальнѣйшія наступленія, съ переносомъ обороны въ глубину, становились все

болѣе затруднительными и давали лишь незначительные тактическіе успѣхи съ малымъ количествомъ плѣнныхъ, не смотря на то, что атакуемая позиція была слабѣе Стрыпской. Въ этихъ операціяхъ большое значеніе имѣлъ заградительный огонь германской тяжелой артиллеріи.

Но въ томъ же 1916 году начинаютъ вырабатываться новые приемы и средства атаки и получаетъ сильное развитіе „наступательная фортификація“. Предпосылка проста и логична: если нельзя подавить огонь заградительныхъ батарей и хорошо скрытыхъ въ глубинѣ зоны пулеметовъ, то надо дать закрытія для всего глубокаго боевого порядка атакующихъ войскъ. Англичане первые вводятъ въ дѣйствіе подвижную броневую фортификацію въ видѣ „танковъ“, произведшихъ сразу большое впечатлѣніе на оборону. Атакующій, во избѣжаніе потерь отъ заградительнаго огня, продвигается своими передовыми окопами до 100—150 метровъ отъ первой линии обороны, чтобы однимъ короткимъ скачкомъ пройти губительную зону заградительнаго огня и затѣмъ уже продвигаться впередъ, пользуясь лабиринтомъ траншей и ходовъ сообщенія, созданныхъ обороняющимся. Чтобы укрыть отъ огня свои резервы, сосредотачиваемые въ большихъ массахъ къ пунктамъ атаки, атакующій возводитъ для нихъ обширныя закрытія въ видѣ ряда параллельныхъ окоповъ, образующія, такъ называемые, „плацдармы“.

Артиллерія атакующаго, достигая все большаго могущества, стрѣльбу которой, по невидимымъ для наземныхъ наблюдателей цѣлямъ, корректируютъ аэропланы, начинаетъ громить сразу всю укрѣпленную зону. Артиллерійская подготовка атаки длится уже не часами, а днями, въ результатъ которой вся укрѣпленная зона „вспахивается“ и превращается въ груду безформенныхъ массъ земли.

Всѣ новые приемы атаки сводятся, въ общемъ, къ тому, что жертвуется принципомъ „внезапности“, а атака ведется „на проломъ“, въ расчетъ на то, что обороняющійся не сможетъ принять мѣръ къ локализациі прорыва укрѣпленной позиціи. Правда, и на другихъ пассивныхъ участкахъ производятся обширныя работы ложнаго характера, но съ началомъ многодневной артиллерійской подготовки мѣсто намѣченнаго прорыва все же обнаруживается.

Въ результатъ, однако, атака снова получаетъ перевѣсъ надъ обороной. Послѣдняя снова вырабатываетъ противъ новыхъ приемовъ атаки новые приемы противодействія.

УКРѢПЛЕННЫЯ ПОЗИЦИИ 1917 ГОДА.

(Схема № 3).

Эволюція фортификаціи пошла опять въ тѣхъ же двухъ направленіяхъ, какъ это было и въ началѣ войны, а именно: 1) вырабатываются приемы къ усиленію оборонительной зоны и 2) производится дальнѣйшее эшелонированіе позицій въ глубину.

участковъ зоны. Переходили опять къ групповому расположенію войскъ, но для этого надо было эти важныя групповыя участки сильнѣе укрѣплять.

Опять обратили вниманіе на организацію опорныхъ пунктовъ, получившихъ видъ густо переплетенныхъ стрѣлковыхъ окоповъ, усиленныхъ самостоятельными искусственными препятствіями. При этомъ опорные пункты образовывались изъ сочетанія группъ стрѣлковъ, вооруженныхъ автоматическими ружьями, пулеметами, бомбометами и ручными бомбами. Маскировка опорныхъ пунктовъ достигалась тѣмъ, что они скрывались въ общей густой сѣти траншей, ходовъ сообщеній и ложныхъ построекъ.

Опорные пункты комбинировались такъ, чтобы взаимно поддерживать огнемъ другъ друга. Это сочетаніе опорныхъ пунктовъ приводило къ образованію, такъ называемыхъ, узловъ сопротивленія („опорныхъ центровъ“), которые и являлись главной опорой укрѣпленной зоны. Искусственныя препятствія получили чрезвычайное развитіе. Исчезли высокіе бетонные капониры, а замѣнили ихъ прочныя убѣжища съ открытыми площадками для пулеметовъ, выносимыхъ на линію огня лишь въ послѣдній моментъ. Закрытія для людей и матеріальной части устраивались въ видѣ подземныхъ галерей и тунелей, съ нѣсколькими выходами, съ электрическимъ освѣщеніемъ и механической вентиляціей.

Вообще очень интересно были разработаны детали по устройству различныхъ оборонительныхъ построекъ, но на описаніи ихъ мы останавливаться не можемъ.

Эшелонированіе позиціи въ глубину выразилось въ томъ, что вмѣсто одной укрѣпленной зоны стали строить двѣ, а иногда и три зоны, причемъ, каждая зона состояла, какъ и первая, изъ нѣсколькихъ линій окоповъ. Разстояніе между зонами определялось тѣмъ соображеніемъ, чтобы артиллерія атакующаго принуждена была мѣнять свои позиціи при подготовкѣ атаки на слѣдующую зону, а этимъ выигрывалось время для принятія мѣръ противодѣйствія со стороны обороняющагося. Вслѣдствіе этихъ соображеній, разстояніе между зонами колебалось отъ 4 до 10 км., что зависѣло отъ условій мѣстности.

Чтобы воспрепятствовать непріятелю, овладѣвшему первой зоной, распространиться вправо и влѣво и дѣйствовать во флангъ тѣмъ участкамъ первой зоны, которые находятся въ рукахъ обороны, между зонами укрѣплялись „отсѣчныя позиціи“. Эти же позиціи имѣли значеніе большихъ (артиллерійскихъ) огневыхъ мѣшковъ и служили базой для фланговыхъ контръ-атакъ.

Устройствомъ послѣдовательныхъ оборонительныхъ зонъ обороняющійся перенесъ борьбу за линіи къ борьбѣ за зоны. Провывъ первой зоны приводилъ лишь къ изламыванію оборонительнаго фронта и ограничивалъ успѣхъ атакующаго лишь достиженіемъ тактическаго успѣха.

Но все же главная борьба происходила на первой зонѣ, о добровольномъ оставленіи которой не могло быть и рѣчи. Артиллерія

обороняющагося хотя и эшелонировалась глубоко (до 5 км.) въ тылъ, но расположена была непосредственно за первой зоной. За другими зонами подготавливались лишь запасныя позиціи.

Примѣрами подобно укрѣпленныхъ позицій могутъ служить: на Западномъ фронтѣ извѣстная „лінія Гинденбурга“, а на русскомъ — австро-германская укрѣпленная позиція, атакованная нашими войсками въ іюнѣ 1917 года. Последняя, впрочемъ, не достигла столь полнаго развитія, какъ лінія Гинденбурга.

УКРѢПЛЕННЫЯ ПОЗИЦІИ ПОСЛѢДНЯГО ПЕРІОДА МІРОВОЙ ВОЙНЫ.

(Схема № 4).

Въ 1917 году англо-французская артиллерія разнообразныхъ калибровъ, включительно съ чудовищнымъ 400 м/м. орудіемъ на желѣзной конструкціи, передвигающимся по рельсамъ, достигаетъ максимума въ своемъ развитіи. Снаряды, начиненные ядовитыми газами, значительно усиливаютъ дѣйствіе артиллерійскаго огня и позволяютъ сократить время артиллерійской подготовки атаки. Замѣчается опять стремленіе использовать принципъ „внезапности“.

Подъ огнемъ этой новѣйшей артиллеріи, сопровождаемой многочисленными танками и аэропланами, почитавшаяся непробиваемой Гинденбургова позиція начинаетъ падать. И на русскомъ фронтѣ австро-германская позиція, атакованная въ іюнѣ 1917 года уже разстроенными революціей войсками VII и XI армій, тоже прорывается подъ ударами нашей тяжелой артиллеріи до 12 дюймоваго калибра включительно, сведенной въ особый артиллерійскій корпусъ подъ названіемъ „Таонъ“.

Оказалось, что эти позиціи, при всемъ своемъ могуществѣ, не въ состояніи были обезпечить защитникамъ позицій упорство обороны. Всѣ солиднѣйшія постройки по всей глубинѣ оборонительной зоны разрушались, а особенно страдали первыя лініи зоны. Но такъ какъ подъ огнемъ держалась вся зона, то и изъ тыловыхъ уѣжищъ люди не успѣвали своевременно выйти на лінію огня и часто погибали въ своихъ глубокихъ закрытіяхъ отраженные газами. Вся защита зоны держалась на случайно уцѣлѣвшихъ отдѣльныхъ пулеметахъ и небольшихъ группахъ стрѣлковъ, дорого отдававшихъ свою жизнь. Вотъ эти уцѣлѣвшія части только и задерживали неприятельскую пѣхоту и давали возможность организовать контръатаки изъ большой глубины.

Указанныя причины побудили германскій генеральный штабъ отказать отъ устройства непрерывныхъ линій окоповъ въ ближайшемъ къ противнику районѣ оборонительной зоны, а замѣнить ихъ особой передовой зоной глубиной до 2 км.

За сплошной полосой искусственныхъ препятствій располагаются въ шахматномъ порядкѣ отдѣльные пулеметы, блокхаузы, группы стрѣлковъ, вооруженныя автоматическими ружьями и ручными бомбами. Эти небольшія фортификаціонныя постройки приспособляются

къ упорной самооборонѣ и защитники ихъ обречены на гибель, но обязаны дорогой цѣной продать свою жизнь. Для этихъ построекъ часто используются воронки отъ взрывовъ непріятельскихъ снарядовъ, почему эта передовая зона называется „зоной пулеметныхъ гнѣздъ“ или „зоной воронокъ“.

Созданіемъ подобной зоны оборона достигла того, что даже подъ ураганнымъ огнемъ тяжелой артиллеріи остаются незамѣченныя и неразрушенныя ячейки обороны, которыя внезапно открываютъ огонь во флангъ и тылъ прорывающейся непріятельской пѣхоты, разстраивая такимъ образомъ атакуюція части, направленные для атаки главной зоны.

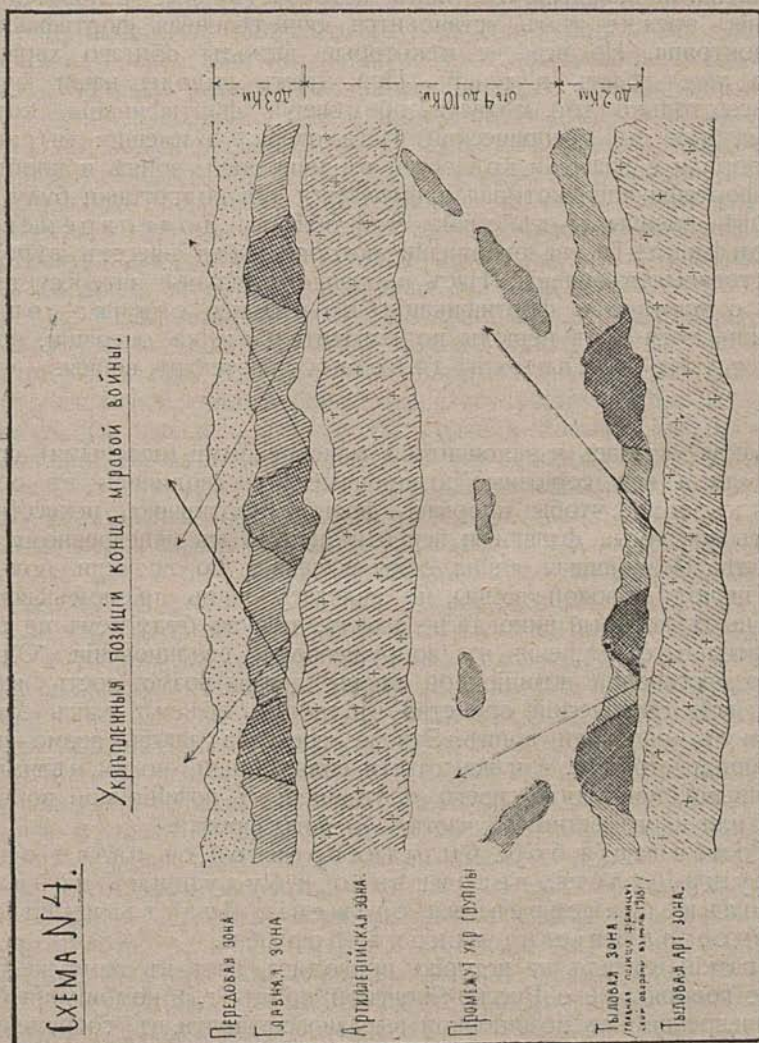
Новые приемы обороны опять даютъ ей чрезвычайную силу сопротивленія, но одновременно съ этимъ нѣмцы къ 1 января 1918 года вырабатываютъ новый способъ атаки, въ которомъ принципъ „внезапности“ снова является руководящимъ. Всѣ подготовительныя дѣйствія тщательно скрываются путемъ грандіозныхъ ложныхъ сооружений. Войска въ большихъ массахъ сосредотачиваются только ночными передвиженіями. На атакуемомъ фронтѣ сотрещивается масса артиллеріи, которая производитъ короткую артиллерійскую подготовку, засыпая обороняющагося лавой ядовитыхъ снарядовъ. Такимъ путемъ удается подавить огонь заградительныхъ батарей, а въ это время танки, въ сопровожденіи небольшихъ пѣхотныхъ частей, разыскиваютъ и уничтожаютъ всѣ разбросанныя передовыя сооружения непріятеля, очищая дорогу позади идущимъ массамъ пѣхоты.

Германскій послѣдній методъ прорыва фронта непріятельской позиціи даетъ снова перевѣсъ атакѣ надъ обороной. Пользуясь имъ, нѣмцы производятъ прорывы англо-французскихъ позицій въ мартѣ — маѣ 1918 года и ставятъ союзниковъ въ критическое положеніе. Тогда маршалъ Фошъ дѣлаетъ логическій выводъ, который и проводитъ въ жизнь, не безъ большихъ, однако, затрудненій; а именно: если никакими мѣрами нельзя отстоять первую оборонительную зону, то главное сопротивленіе надо оказать на второй зонѣ, удаленной отъ первой на 8—10 километровъ. Приходилось, такимъ образомъ, почти добровольно, безъ большого сопротивленія, отдавать противнику всѣ тяжелые труды по созданію „Главной“ позиціи и пустить его въ глубину своего расположенія на полупереходѣ. Какъ эта отдача отразится на психикѣ войскъ? Вотъ тѣ главныя затрудненія къ осуществленію своего плана, которыя встрѣтилъ маршалъ Фошъ, и все же ихъ преодолѣлъ. Въ результатѣ — июльская побѣда союзниковъ и переломъ войны.

Не выдержала психика нѣмцевъ, а потому въ дальнѣйшемъ никакія позиціи уже не могли остановить побѣдоноснаго шествія союзниковъ. Въ этомъ большое поученіе тѣмъ, которые склонны преувеличивать значеніе техники. Человѣкъ былъ, есть и будетъ главнымъ орудіемъ войны и въ степени устойчивости его психическихъ силъ кроется залогъ побѣды или пораженія.

Этими строками мы заканчиваемъ историческую часть очерка. Надо еще обратить вниманіе на то, что раздѣляя эволюцію укрѣпленныхъ позицій на четыре періода и давая четыре схемы, мы это дѣлали лишь для большей наглядности разныхъ этаповъ этой эволюціи. На самомъ дѣлѣ эволюція шла непрерывно, новыя мысли за-

рождались и частично проводились въ жизнь, не соответствуя точно тѣмъ періодамъ, какіе нами указаны, а потому, кромѣ приведенныхъ четырехъ схемъ въ боевой практикѣ минувшей войны, можно найти цѣлый рядъ другихъ промежуточныхъ типовъ позицій, лишь въ той или другой степени приближающихся къ схемамъ нашего очерка.

НѢКОТОРЫЕ ВЫВОДЫ ДЛЯ БУДУЩАГО.

Изученіе опыта міровой войны, въ смыслѣ выводовъ о примѣненіи фортификаціи въ грядущихъ войнахъ, вызываетъ рядъ интересныхъ вопросовъ. Вопросы эти еще далеки отъ окончательнаго разрѣшенія и каждый изъ нихъ потребуетъ еще основательнаго изученія, прежде чѣмъ установится опредѣленная фортификаціонная доктрина. Но все же нѣкоторые выводы общаго характера можно уже дѣлать и теперь. При этомъ выводы наши будутъ касаться только той области примѣненія фортификаціи, которая описана была въ исторической части очерка, а именно: мы ничего не говорили о значеніи крѣпостей въ минувшей войнѣ и вообще о роли фортификаціи, которая примѣняется для подготовки будущихъ театровъ военныхъ дѣйствій. Это область долговременной фортификаціи, ва отношеніи которой война внесетъ вѣроятно, существенныя измѣненія. Намъ въ данномъ случаѣ интересуется вопросъ о примѣненіи фортификаціи во время самихъ операцій или, хотя и въ періоды подготовительные къ операціи, но во время уже военныхъ дѣйствій на театрѣ войны.

Война началась и закончилась маневренными (полевыми) сраженіями, да и всѣ серьезныя позиціонныя бои сводились въ основѣ своей къ тому, чтобы прорвать фронтъ противника, искусственно создать уязвимыя фланги и перейти затѣмъ къ маневренному бою въ полѣ. Позиціонная война, хотя и заняла по времени большую часть періода міровой войны, но являлась лишь приѣмомъ вспомогательнымъ, который никогда не давалъ, да и въ будущемъ не дастъ, окончательнаго рѣшенія въ вооруженномъ столкновеніи. Однако, только обстановка позиціонной войны давала возможность использовать всѣ техническія средства въ такомъ объемѣ, какъ это мы видѣли въ минувшей войнѣ. Эти же средства даютъ возможность слабѣйшей сторонѣ, или же хотя и сильнѣйшей, но съ цѣлями маневренными, принудить своего противника къ позиціонной войнѣ на всемъ или на извѣстномъ участкѣ боевого фронта.

Комбинація борьбы маневренной съ позиціонной присуща будетъ, несомнѣнно, и будущимъ войнамъ, но только маневренныя сраженія будутъ имѣть рѣшающее вліяніе на исходъ борьбы.

Краткій взглядъ на исторію, приводитъ насъ къ тому же выводу. Не говоря уже о Русско-Японской войнѣ, гдѣ комбинація борьбы маневренной съ позиціонной выразилась почти въ современныхъ формахъ, но и почти всѣ войны давали намъ ту же картину, отличаясь лишь формой. Маневръ полевыхъ армій всегда входилъ въ извѣстную комбинацію съ борьбой за крѣпости, дававшими возможность выиграть время. Тактика борьбы за крѣпость носила тотъ же характеръ, какъ и позиціонная борьба въ минувшей войнѣ: стремленіе со стороны обороняющагося создать нѣсколько оборонитель-

ныхъ линій, обезпечить себя препятствіями, использовать возможно прочныя закрытія и т. д.. Атакующій долженъ былъ стремиться къ прорыву фронта, такъ какъ фланги отсутствовали, широко пользовался фортификаціей и т. д.. Но борьба за крѣпости всегда носила лишь вспомогательный характеръ, такъ какъ уничтоженіе живой силы непріятеля достигалось только маневреннымъ боемъ въ полѣ.

Тоже самое мы видимъ и въ минувшей войнѣ, но прогрессъ техническихъ средствъ послѣдняго времени давалъ возможность создавать фронты крѣпостного характера не за долгіе періоды мирнаго времени, а во время самой войны и тамъ, гдѣ это было необходимо по ходу операціи. Но и здѣсь эти фронты играли лишь временную, вспомогательную роль, а судьбы государствъ рѣшались маневренными операціями. Приходилось слышать возраженія, что война велась „на изнуреніе“, а потому рѣшающее значеніе имѣла продолжительная война. Но вѣдь это средство обоюдоостро и врядъ ли послѣ всеобщаго изнуренія и разоренія европейскихъ государствъ, участвовавшихъ въ войнѣ, найдется въ будущемъ много сторонниковъ подобнаго приема веденія войны. Да и тотъ приемъ былъ результатомъ простой необходимости: нельзя же дать себя разбить въ маневренномъ бою, пока я не чувствую себя достаточно готовымъ для шансовъ на побѣду. Однако, попытки къ прекращенію позиціонной борьбы дѣлались всѣми сторонами неоднократно, какъ только онѣ чувствовали себя подготовленными къ рѣшающему маневренному сраженію.

Изъ всего сказаннаго надо сдѣлать выводъ, что надо и для будущихъ войнъ быть подготовленнымъ и для маневренныхъ, и для позиціонныхъ операцій.

Къ средствамъ фортификаціи придется прибѣгать и въ маневренной, и въ позиціонной борьбѣ. При этомъ надо имѣть въ виду, что какъ бы ни прогрессировала техника и что бы ни писали въ связи съ этимъ о грядущей „машинной“, „химической“, „воздушной“ и т. п. войнѣ, но надо думать, что пѣхота, во всякомъ случаѣ еще долгое время, останется главнымъ родомъ войскъ, несущимъ наибольшія тягости и въ концѣ концовъ рѣшающей судьбы военныхъ операцій. При атакѣ всегда лишь, продвиженіе впередъ, а при оборонѣ — стойкое удержаніе занимаемой мѣстности являются показателями успѣха. И чѣмъ больше будутъ прогрессировать всевозможныя средства пораженія, тѣмъ больше пѣхота, да и прочіе роды войскъ, будутъ нуждаться въ закрытіяхъ какъ при движеніи, такъ и при расположеніи на мѣстности. Въ будущемъ, значитъ, къ фортификаціи придется еще больше прибѣгать, какъ атакующему, такъ и обороняющемуся въ борьбѣ и маневренной, и позиціонной.

Между тѣмъ опытъ міровой войны, въ смыслѣ эволюціи фортификаціи, является одностороннимъ, а именно, онъ даетъ богатый матеріалъ для выводовъ о примѣненіи фортификаціи въ борьбѣ позиціонной. Возможно-ли, опираясь на этотъ матеріалъ, сдѣлать выводы и въ отношеніи борьбы маневренной? Намъ это пред-

ставляется возможнымъ на основаніи приводимыхъ ниже соображеній.

Разсмотримъ принципы, положенные въ основаніе укрѣпленныхъ позицій, и тѣ приемы, которыми эти принципы проводились въ жизнь. Но предварительно укажемъ на то, что не слѣдуетъ смѣшивать понятія „принципа“ съ „элементомъ“, какъ это дѣлаютъ теперь нѣкоторые писатели и даже официальные руководства. Принципъ есть идея, абстракція, въ то время какъ элементъ есть средство къ осуществленію принципа. Тоже самое относится и къ фортификаціи. Принципы фортификаціи суть, по преимуществу, принципы тактическіе, въ то время какъ элементы фортификаціи суть тѣ объекты, которые сами по себѣ или въ извѣстномъ сочетаніи даютъ возможность претворенія принциповъ въ жизнь.

Сравнивъ всѣ приведенныя въ настоящемъ очеркѣ схемы, мы увидимъ, что каждая дальнѣйшая по времени схема являлась лишь дальнѣйшимъ развитіемъ тѣхъ принциповъ, по которымъ созидалась позиція предыдущая. А принципы эти суть основныя, неизмѣнныя, которыми руководилась фортификація съ давнишнихъ временъ.

Первый принципъ, на которомъ теперь основана оборона, это принципъ флангового огня. Это принципъ хотя и тактический, но всегда отстаивался именно фортификаціей. Дѣйствительно, когда сила огнестрѣльнаго оружія дошла до большой скорострѣльности и дальности, то тактика обороны перешла почти исключительно къ фронтальному огню, могущему, по мнѣнію нѣкоторыхъ лицъ, всецѣло замѣнить огонь фланговый. И только фортификація во всѣхъ своихъ сооруженіяхъ, начиная отъ бастионнаго фронта и кончая промежуточными капонирами въ новѣйшихъ крѣпостяхъ, всегда основывала оборону на фланговомъ огнѣ.

Въ схемѣ № 1 средствомъ для осуществленія этого принципа должны были служить опорные пункты, но они оказались неспособными выполнить эту задачу. Въ дальнѣйшихъ схемахъ для осуществленія этой задачи прибѣгли къ элементамъ фортификаціи въ видѣ разнаго рода фланкирующихъ построекъ для пулеметовъ и къ комбинаціи ихъ такимъ образомъ, что принципъ флангового огня получилъ полное осуществленіе.

Въ связи съ фланговымъ огнемъ особое значеніе пріобрѣтаетъ снова принципъ преграды. Относительно кратковременное пребываніе противника въ зонѣ флангового огня вызываетъ необходимость задержать его въ этой зонѣ путемъ устройства искусственныхъ преградъ. Этотъ принципъ есть ни что иное, какъ модификація крѣпостнаго рва. И въ этой области чрезмѣрныя упованія на силу фронтального огня привели одно время къ пренебреженію искусственными препятствіями („огонь лучшая преграда“), иллюстраціей чего можетъ служить схема № 1, гдѣ слабость интерваловъ во многомъ зависѣла отъ отсутствія препятствій. На дальнѣйшихъ схемахъ мы видимъ прогрессивное усиленіе препятствій, причемъ главнымъ образомъ примѣняется колючая проволока, какъ лучше всего сопротивляющаяся разрушенію артиллерійскимъ огнемъ. Но совре-

менная техника должна теперь озаботиться изобрѣтеніемъ препятствій, могущихъ задержать движущіяся машины, прообразомъ которыхъ является танкъ.

Не менѣе важнымъ является принципъ эшелонированія въ глубину, какъ необходимое условіе для упорства обороны. И этотъ принципъ не новъ и освященъ глубокой стариной. На схемѣ № 1 мы опять видимъ слабое развитіе этого принципа, какъ результатъ разчета, оказавшагося неправильнымъ, остановить атаку огнемъ съ одной линіи окоповъ. Въ дальнѣйшемъ, эшелонированіе въ глубину является характернѣйшей чертой въ эволюціи позицій.

Принципъ группировки силъ и, въ связи съ этимъ, элементовъ фортификаціи, прообразомъ которыхъ въ старину были бастіоны и куртины, а въ дальнѣйшемъ опорные пункты, центры сопротивленія и связывающіе ихъ болѣе слабые интервалы. Слабость интерваловъ на схемѣ № 1 привела къ нѣкоторому забвенію этого принципа, что выразилось на схемѣ № 2, но затѣмъ этотъ принципъ опять восторжествовалъ и привелъ къ образованію позицій группового характера (схема № 3), но обеспечивающихъ непрерывность обороны по всему фронту.

Затѣмъ мы видимъ принципъ наблюденія и свободы сообщенія (связи), для осуществленія котораго фортификація давала самыя разнообразныя средства. Наблюдательные пункты мы можемъ видѣть уже на старинныхъ фронтахъ, напримѣръ, на бастіонахъ Бѣлградской крѣпости. Расположены они такъ, чтобы вся мѣстность передъ фронтомъ могла бы осматриваться безъ мертвыхъ пространствъ. Свобода сообщеній по фронту и въ глубину всегда имѣла весьма важное значеніе. Но пока огнестрѣльное оружіе было мало дѣйствительно, то для укрытаго сообщенія можно было пользоваться лишь мѣстными закрытіями, а кромѣ того, при кратковременности боевъ на позиціи не было острой необходимости въ обезпеченномъ, закрытомъ сообщеніи съ ближайшимъ тыломъ. Поэтому лишь коммуникаціонныя линіи всегда играли важную роль. Съ увеличеніемъ силы огня и продолжительности боевъ безопасность сообщенія съ тыломъ явилась рѣшающимъ факторомъ при выборѣ оборонительныхъ позицій. Фортификація пришла на помощь, создавая цѣлыя лабиринты наземныхъ и подземныхъ ходовъ сообщенія (схема № 2 и послѣдующія).

Остановившись, наконецъ, на послѣднемъ и стариннѣйшемъ принципѣ укрытія отъ взоровъ и огня противника, послужившаго причиной зарожденія фортификаціи. Въ то время какъ старая фортификація стремилась создать закрытія абсолютной прочности, могущія выдержать огонь орудій любого калибра, а потому и не боялась воздвигать высокія, ясно видимыя неприятелю, сооруженія, современная фортификація осуществляетъ этотъ принципъ другимъ путемъ.

Не игнорируя прочности закрытіи, что намъ подтвердилъ опытъ міровой войны, она учитываетъ ихъ относительное, а никакъ не абсолютное значеніе и стремится обезпечить закрытіе путемъ искуснаго

сочетанія формъ разной степени сопротивляемости, обезпечивая ихъ разсредоточиваніемъ на большой площади, невидимостью (маскировка) и количествомъ объектовъ (ложныя сооруженія). Но принципъ остается неизмѣннымъ; измѣняются лишь приемы и средства къ его осуществленію.

Итакъ, изучая эволюцію укрѣпленныхъ позицій въ минувшей войнѣ, мы видимъ, что основные принципы оставались неизмѣнными, получая лишь все большее развитіе съ переходомъ отъ одного типа позицій къ другому, въ связи съ прогрессомъ средствъ борьбы. Отсюда мы должны сдѣлать выводъ, что, начиная съ короткой остановки для обороны во встрѣчномъ бою и кончая длительной позиціонной обороной, руководящіе принципы для укрѣпленія позиціи суть одни и тѣ же. Но въ какой степени удастся претворить эти принципы въ жизнь, будетъ зависѣть отъ боевой обстановки. Важнѣйшими данными этой обстановки, влияющими на фортификацію, будутъ: боевая задача, время, техническія средства и силы и соотношеніе этихъ средствъ и средствъ борьбы у воюющихъ сторонъ.

Всегда будутъ стремиться, получивъ задачу — оборонять данную позицію, провести указанные принципы столь возможно полно въ жизнь, но маневренная война, отличающаяся быстрыми, скоротечными и рѣшительными дѣйствіями, будетъ давать менѣе благоприятную обстановку сравнительно съ войной позиціонной. Въ свою очередь и въ самой маневренной войнѣ ставятся разныя боевыя задачи и складывается разнообразная обстановка. Поэтому въ войнѣ маневренной будутъ укрѣпляться позиціи, начиная отъ самыхъ слабыхъ (схема № 1), но уже носящихъ признаки осуществления всѣхъ необходимыхъ основныхъ принциповъ. Что же касается вопроса о сильнѣйшихъ позиціяхъ маневренной войны, то для рѣшенія его надо учесть будущій прогрессъ техники, а это является задачей весьма трудной. Но уже и теперь появляются особыя машины для быстрого рытья окоповъ, быстрой установки препятствій, складныя, переносныя и быстро устанавливающіяся желѣзобетонныя постройки, броневые купола и т. п. Эти средства можетъ быть дадутъ возможность создавать и въ маневренной войнѣ, не умаляя ея основныхъ свойствъ (быстроты, скоротечности и рѣшительности), сильно укрѣпленныя позиціи, приближающіяся по типу къ оборонительнымъ зонамъ минувшей позиціонной войны.

Принимая во вниманіе особенности маневренной войны, надо думать, что большое примѣненіе себѣ найдетъ прежде всего подвижная броневая фортификація. Не только усовершенствованные танки, но и другія подвижныя броневыя машины (закрытія для группъ стрѣлковъ, наблюдательные пункты, бронированныя химическія, огнеметательныя и другого рода станціи) появятся въ большомъ количествѣ. Этими броневыми машинами, подвижностью которыхъ будетъ способствовать ихъ неязвимости, будетъ пользоваться не только атакующій, но они послужатъ и обороняющемуся, какъ скелетъ оборонительной позиціи во всѣхъ тѣхъ случаяхъ,

когда время въ его распоряженіи для укрѣпленія позиціи будетъ крайне ограничено.

Въ позиціонной войнѣ появятся еще болѣе могущественныя средства, которыя дадутъ возможность создавать позиціи сильнѣйшія, чѣмъ мы ихъ видимъ въ послѣднемъ періодѣ міровой войны. Повидимому большое значеніе получитъ подземная, м и н н а в о й н а.

Но и здѣсь не надо слишкомъ увлекаться далеко ведущими перспективами. Не слѣдуетъ забывать, что въ міровой войнѣ приняли участіе самыя могущественныя во всѣхъ отношеніяхъ государства съ высоко развитой техникой. Теперь многія изъ нихъ разорены и еще долго будутъ наверстывать потерянное. Небольшія государства, пожалуй, и не смогутъ обезпечить себя техническими средствами борьбы такъ, какъ были обезпечены воюющія стороны въ міровой войнѣ. Поэтому и въ позиціонной войнѣ найдутъ себѣ мѣсто въ грядущихъ вооруженныхъ столкновеніяхъ укрѣпленныя позиціи не только послѣдняго, но и всѣхъ предыдущихъ типовъ міровой войны.

Въ заключеніе нашего очерка можемъ, во всякомъ случаѣ, сказать, что въ будущихъ войнахъ и атакующій, и обороняющійся всегда будутъ стремиться использовать всѣ средства фортификаціи, имѣющіяся въ ихъ распоряженіи, помятуя горькій опытъ начала міровой войны и тѣ услуги, которыя оказала всѣмъ воюющимъ народамъ фортификація.

В. ПОЛЯНСКІЙ.